

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064 и статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой статьи 54 и части третьей статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьи 16 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Клименко Романа Александровича

город Санкт-Петербург

24 февраля 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064 и статьи 1068 ГК Российской Федерации, части первой статьи 54 и части третьей статьи 162 УПК Российской Федерации, а также статьи 16 Трудового кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.А.Клименко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.Б.Калиновского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, регламентируя общие положения о возмещении вреда, устанавливает, в частности, что:

лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено их возмещение в меньшем размере; при этом под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (статья 15);

вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред; законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда (пункт 1 статьи 1064);

юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей; работниками в данном случае признаются граждане, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), а также граждане, выполняющие работу по гражданско-правовому договору, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица или гражданина и под его контролем

за безопасным ведением работ; хозяйственные товарищества и производственные кооперативы возмещают вред, причиненный их участниками при осуществлении последними деятельности товарищества или кооператива (статья 1068).

Регулируя процессуальный статус гражданского ответчика в уголовном судопроизводстве и сроки предварительного расследования, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет, что:

в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации несет ответственность за вред, причиненный преступлением; о привлечении в качестве гражданского ответчика выносится постановление или определение (часть первая статьи 54);

в срок предварительного следствия не включается в том числе время, в течение которого предварительное следствие было приостановлено по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом (часть третья статьи 162).

Статья 16 Трудового кодекса Российской Федерации, устанавливая основания возникновения трудовых отношений, предусматривает в числе прочего, что таковые возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого ими в соответствии с данным Кодексом (часть первая); трудовые отношения между работником и работодателем возникают также на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен (часть третья).

1.1. Р.А.Клименко участвовал в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве в отношении гражданина А., который приговором Таганрогского городского суда Ростовской области от 22 июля 2024 года осужден по части первой статьи 166 УК Российской Федерации за угон автомобиля. Правосудность приговора подтверждена вышестоящими судами (апелляционное постановление Ростовского областного суда от 10 сентября

2024 года, постановления Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2025 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2025 года, письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2025 года).

Суд первой инстанции исходил из следующего. А., согласно его показаниям и показаниям свидетелей, работал на автомойке без оформления трудовых отношений. Ночью, будучи в состоянии алкогольного опьянения, он взял ключ от автомобиля, принадлежащего Р.А.Клименко, в диспетчерской, где ключ хранился в свободном доступе; автомобиль же находился на парковке. А. неправомерно завладел транспортным средством без цели хищения и уехал на нем. В процессе движения он не справился с управлением и попал в дорожно-транспортное происшествие, наехав на ограждение, после чего был задержан сотрудниками дорожно-патрульной службы.

Устанавливая размер ущерба для квалификации действий А., суд руководствовался экспертным заключением, согласно которому стоимость восстановительного ремонта поврежденного автомобиля составляет 762 600 рублей с учетом износа комплектующих изделий и 1 971 600 рублей без его учета. На основе данной оценки суд определил размер ущерба, причиненного потерпевшему, в 762 600 рублей.

Вышестоящие суды отклонили доводы жалоб адвоката Р.А.Клименко о том, что содеянное следует квалифицировать по части третьей статьи 166 УК Российской Федерации, поскольку орган предварительного расследования неверно определил (занизил) размер причиненного потерпевшему ущерба, приняв во внимание степень износа комплектующих автомобиля. Суды исходили из того, что сведений о фактически понесенных расходах, связанных с ремонтом автомобиля, потерпевшим не представлено, ввиду чего размер ущерба установлен верно. Кроме того, отвергнут довод о том, что был нарушен срок производства дознания путем подмены надлежащего порядка его продления вынесением незаконных (впоследствии отмененных) решений о приостановлении дознания.

Суды отметили и то, что в принятии гражданского иска Р.А.Клименко к владельцу автомойки, который, по утверждению потерпевшего, являлся работодателем А., дознаватель и суд первой инстанции отказали правомерно, поскольку в числе прочего между владельцем автомойки и А. не были оформлены трудовые отношения, преступление совершено не в рабочую смену, договор хранения автомобиля между Р.А.Клименко и владельцем автомойки не заключался, а все обстоятельства, значимые для привлечения владельца автомойки в качестве гражданского ответчика, не являющегося участником уголовного процесса, могут быть проверены только в рамках гражданского судопроизводства. К самому же обвиняемому потерпевший не желал предъявлять иски.

1.2. Заявитель просит признать не соответствующими статьям 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17–19, 46 (части 1 и 2), 52, 55 (часть 3), 118 (части 1 и 2) и 120 (часть 2) Конституции Российской Федерации следующие нормы:

статью 15 и пункт 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, указывая, что они лишают собственника автомобиля, поврежденного в процессе его угона, права на возмещение убытков путем взыскания стоимости восстановительного ремонта без учета (вне зависимости от) степени износа автомобиля либо его комплектующих, а равно позволяют рассчитывать тем же образом (лишь с учетом степени износа) размер причиненного ущерба для целей уголовно-правовой квалификации содеянного виновным;

часть первую статьи 54 УПК Российской Федерации, статью 1068 ГК Российской Федерации и статью 16 Трудового кодекса Российской Федерации, как препятствующие потерпевшему от преступления обратиться с гражданским иском о возмещении ущерба, причиненного преступными действиями работника, к его работодателю, допустившему его к исполнению трудовых обязанностей без заключения трудового договора в письменной форме и фактически создавшему условия для совершения преступления;

часть третью статьи 162 УПК Российской Федерации, поскольку она, согласно позиции заявителя, позволяет не включать в срок предварительного

расследования период, на который дознание было приостановлено незаконно.

1.3. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, с момента вынесения постановления о приостановлении предварительного расследования и до момента возобновления, в том числе ввиду отмены такого постановления, производство по уголовному делу является приостановленным, а следственные действия по нему не осуществляются, чем и обусловлено невключение этого времени в срок предварительного расследования (Определение от 28 сентября 2021 года № 2009-О). При этом статья 162 УПК Российской Федерации не содержит каких-либо изъятий из принципов законности и разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленных в статьях 6¹ и 7 названного Кодекса и предполагающих обоснованность и мотивированность процессуальных решений и принятие необходимых мер для ускорения расследования, а установленный данным Кодексом порядок приостановления и возобновления производства по уголовному делу может применяться лишь законно, без злоупотребления правом на его использование. Законность, обоснованность, достаточность и эффективность действий должностных лиц, производящих предварительное расследование, могут быть проверены в рамках судебного и ведомственного контроля, прокурорского надзора и должны быть учтены при присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, притом что при неисполнении или ненадлежащем исполнении должностными лицами своих обязанностей, при недобросовестном или небрежном отношении к службе не исключена возможность их привлечения к ответственности (определения от 2 июля 2015 года № 1541-О, № 1542-О и № 1543-О, от 27 сентября 2019 года № 2258-О, от 26 марта 2020 года № 759-О, от 23 апреля 2020 года № 1051-О, от 30 мая 2023 года № 1061-О и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации указывал также, что статья 54 УПК Российской Федерации не регламентирует отношения по возмещению вреда, причиненного преступлением, – являясь бланкетной, она прямо отсылает к положениям гражданского законодательства. Суду же в

каждом конкретном случае на основе собранных доказательств и материалов уголовного дела надлежит установить лицо, ответственное по гражданскому иску (определения от 16 апреля 2009 года № 442-О-О, от 29 мая 2018 года № 1167-О, от 25 апреля 2024 года № 878-О и др.).

По смыслу положений пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации вред, причиненный преступлением, подлежит возмещению в полном объеме лицом, виновным в его совершении, а потому, по общему правилу, в качестве гражданского ответчика привлекается обвиняемый, но если обязанность возместить вред возлагается законом на лицо, не являющееся причинителем вреда, то оно привлекается в указанном качестве (абзац второй пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»). Так, абзац первый пункта 1 статьи 1068 данного Кодекса возлагает на юридическое лицо либо гражданина ответственность за вред, причиненный его работником, однако лишь при исполнении последним трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Данное регулирование призвано стимулировать работодателя к принятию мер, направленных на снижение вероятности причинения вреда его работником, с одной стороны, а с другой – вводит дополнительную гарантию защиты нарушенных прав потерпевшей стороны в деликтных обязательствах с учетом требований обеспечения баланса прав работодателя, его работника и потерпевшего (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 года № 613-О, от 29 мая 2019 года № 1394-О, от 26 сентября 2024 года № 2448-О и др.). Это предполагает необходимость устанавливать в каждом конкретном случае факт и характер отношений между юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем) и работником – причинителем вреда, сопряженность обстоятельств причинения вреда с выполнением трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

Если же трудовой договор не оформлен надлежащим образом, то трудовые отношения, согласно Трудовому кодексу Российской Федерации, возникают также на основании фактического допущения работника к работе

с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на то представителя (часть третья статьи 16); трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на то представителя (часть вторая статьи 67). Такой подход, допускающий возможность возникновения трудовых отношений даже без их документального оформления, направлен главным образом на защиту трудовых прав работника, на пресечение теневой занятости по найму, которая негативно влияет не только на правовую культуру, экономику и поддержание добросовестной конкуренции, но и на экономическую и социальную защищенность лиц, фактически состоящих в трудовых отношениях, на предсказуемость и стабильность их положения. Применим он и к оценке условий для деликтной ответственности работодателя за вред, причиненный его работником, которые установлены пунктом 1 статьи 1068 ГК Российской Федерации.

Тем самым отсутствуют основания утверждать, что оспариваемые положения статей 54 и 162 УПК Российской Федерации, статья 1068 ГК Российской Федерации и статья 16 Трудового кодекса Российской Федерации нарушают конституционные права заявителя в указанных им аспектах. Разрешение же вопроса о том, кто должен быть привлечен в качестве гражданского ответчика в деле Р.А.Клименко (на что, по существу, направлены доводы его жалобы в этой части), требует анализа правоотношений с его участием по поводу временной передачи автомобиля, а также причинно-следственной связи имевших место действий с угоном. Однако исследование такого рода обстоятельств не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации.

Следовательно, производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части первой статьи 54 и части третьей статьи 162 УПК Российской Федерации, статьи 1068 ГК Российской Федерации и статьи 16 Трудового кодекса Российской Федерации, подлежит прекращению (пункт 2 части первой статьи 43 и часть первая статьи 68 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

1.4. Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются статья 15 и пункт 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, как служащие в системе действующего правового регулирования основанием для разрешения вопроса о размере ущерба, причиненного в результате угона транспортного средства – без учета или с учетом степени износа его комплектующих – и подлежащего оценке в целях уголовно-правовой квалификации такого деяния и в целях возмещения убытков потерпевшему.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, и обязывая государство признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы, специальным образом гарантирует охрану законом прав потерпевших от преступлений (в том числе преступлений против собственности), обеспечение им доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (статьи 1, 2 и 52).

Выбор соответствующих мер предупредительного, пресекающего или восстановительного характера, разработка механизма их действия относятся к полномочиям законодателя, который призван устанавливать оптимальную правовую защиту, с тем чтобы конституционные права не нарушались, а в случае посягательства на них – гарантировать приведение нарушенного права в первоначальное состояние, при невозможности этого – обеспечивать максимально полное возмещение причиненного в результате его нарушения ущерба. Необходимость принятия таких мер вытекает и из Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), предусматривающей, что лица, которым был причинен вред в результате действия, нарушающего национальные

уголовные законы, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб, а правонарушители или третьи стороны, несущие ответственность за их поведение, должны предоставлять справедливую реституцию, включая возврат собственности или выплату за причиненный вред, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах (пункты 1, 4 и 8).

Реализуя положение статьи 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации, законодатель для защиты всех форм собственности – с учетом ее конституционной, экономической, общественной и личной значимости, эстетического, фамильного, социально-статусного значения вещей и имущественных прав, предназначения и использования предметов собственности для удовлетворения потребностей граждан – регулирует отношения собственности и правомочия собственников, договорные и деликтные обязательства. Если же достижение конституционных целей не может быть обеспечено только с помощью норм регулятивного характера, законодатель должен предусмотреть и меры ответственности, адекватные вреду (общественной опасности) правонарушающего поведения, включая меры уголовной ответственности за посягательства на собственность.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовно-правовые меры должны устанавливаться с соблюдением общих принципов юридической ответственности, в том числе принципов справедливости, равенства и правовой определенности, имеющих универсальное значение и относящихся по своей сути к основам конституционного правопорядка. В частности, они должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Поскольку уголовный закон является по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого

государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности, уголовная ответственность может считаться законно установленной, лишь если она соразмерна характеру и общественной опасности криминализируемого деяния (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Вводя меры уголовной ответственности за посягательства на собственность, законодатель при использовании межотраслевых средств, отражающих особенности правового режима собственности и механизм причинения вреда собственнику, должен обеспечить взаимную согласованность положений уголовного и гражданского законодательства на основе принципов справедливости, равенства и правовой определенности. Это требует учета степени общественной опасности таких посягательств – в зависимости от размера причиненного вреда – и обязательной конкретизации данного признака в случае его включения в состав преступления.

3. Реализуя предоставленные статьями 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочия в сфере защиты права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом от преступных посягательств, законодатель в главе 21 УК Российской Федерации определил преступления, объектом уголовно-правовой охраны от которых выступает собственность, включая неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), запрещенное статьей 166 данного Кодекса.

В силу статьи 8 УК Российской Федерации в уголовно-правовой сфере основанием ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом. Общественно опасные последствия преступления в зависимости от конструкции его состава – материального или формального – могут входить или не входить в число признаков, обязательных для его признания оконченным. Основной состав преступления, предусмотренного статьей 166

УК Российской Федерации, сконструирован как формальный, и только в ее части третьей предусмотрена ответственность за то же деяние, причинившее особо крупный ущерб (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 7-П). И хотя сама эта статья не определяет величину такого ущерба, она включена в главу 21 данного Кодекса, для которой в качестве общего правила пункт 4 примечаний к его статье 158 закрепляет, что особо крупный размер превышает один миллион рублей.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, в случаях причинения именно материального ущерба недопустимо отказываться от выражения признака состава преступления, прямо предусмотренного уголовным законом, в стоимостном измерении. Развитый денежный оборот обусловлен типичными и согласованными в реальных сделках, а потому приемлемыми ценами, где условно и приблизительно, но воплощены представления неопределенного числа субъектов о ценности и полезном значении не только объектов права, но и возможностей, которые дают лицу права на эти объекты (Постановление от 24 мая 2021 года № 21-П). В то же время размер хищения – преступления против собственности – и размер причиненного хищением ущерба в отдельных случаях могут не совпадать (например, ввиду увеличения последнего вследствие особой значимости имущества, его уникальности), но, по общему правилу, имущественный ущерб предполагает (составляет) утрату имущества, т.е. уменьшение фондов собственника на стоимость (размер) утраченного в результате преступления имущества (Постановление от 8 декабря 2022 года № 53-П).

В судебной практике квалификация по части третьей статьи 166 УК Российской Федерации действий лица, виновного в неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения с причинением особо крупного ущерба, осуществляется во взаимосвязи со статьей 15 ГК Российской Федерации. Квалифицирующий признак в виде особо крупного ущерба понимается в качестве реального ущерба, т.е. как расходы, которые потерпевший произвел или должен будет произвести для восстановления

нарушенного права, и как утрата или повреждение его имущества. Причем из этого признака исключаются сопутствующие расходы, например, на эвакуацию и хранение поврежденного автомобиля, на аренду подменной машины, а также упущенная выгода – неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях оборота, если бы его право не было нарушено (пункт 2 статьи 15 ГК Российской Федерации).

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» разъяснено, что ущерб определяется исходя из фактически понесенных владельцем расходов, связанных с ремонтом найденного автомобиля, когда он поврежден во время угона, а также исходя из его фактической стоимости на день совершения преступления, когда угнанный автомобиль получил повреждения, исключающие его восстановление и дальнейшую эксплуатацию (пункт 25).

Применительно же к случаю, когда восстановление поврежденного автомобиля возможно и экономически целесообразно, но ремонт еще не произведен, вопрос об определении размера ущерба для целей квалификации угона транспортного средства не нашел отражения в разъяснениях по вопросам судебной практики. В конкретных делах стоимость такого восстановления устанавливается на основании доказательств (в том числе результатов судебной экспертизы) (статьи 73 и 74 УПК Российской Федерации) будущих расходов собственника автомобиля на полное восстановление его нарушенных прав. Устанавливаемые (оцениваемые) таким образом и призванные служить объективным критерием уголовно-правовой оценки содеянного расходы вместе с тем варьируются в диапазоне от минимальной (с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов) величины до максимальной (без учета такого износа). Доказательственные возможности судебной экспертизы позволяют устанавливать как ту, так и другую величины.

Практика оценки размера будущих расходов потерпевшего в качестве квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного частью третьей статьи 166 УК Российской Федерации, основанная на взаимосвязи этой нормы со статьей 15 и пунктом 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, неоднородна. В одних случаях суды устанавливают размер ущерба исходя из расходов на ремонт транспортного средства без учета степени износа его комплектующих (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2023 года № 77-3950/2023, апелляционное определение Московского городского суда от 17 апреля 2024 года № 10-5287/2024 и др.). Той же позиции, как видно из поступивших в Конституционный Суд Российской Федерации ответов, придерживаются полномочные представители Президента Российской Федерации и Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации, а также Генеральная прокуратура Российской Федерации. В других случаях суды устанавливают размер ущерба в пределах расходов потерпевшего с учетом степени износа комплектующих (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Оренбургского областного суда от 7 мая 2024 года № 33-3411/2024 и др.). Эта позиция поддержана и в ответе Верховного Суда Российской Федерации на запрос Конституционного Суда Российской Федерации.

Неопределенность, порождаемая статьей 15 и пунктом 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 166 УК Российской Федерации, достигает конституционной значимости – поскольку допускает принципиально разную оценку размера ущерба, причиненного повреждением транспортного средства во время угона, как квалифицирующего признака при привлечении к уголовной ответственности, затрагивая права, гарантированные статьями 19 (часть 1), 54 (часть 2), 55 (часть 3) и 75¹ Конституции Российской Федерации, – а потому нуждается в устранении посредством конституционного судопроизводства.

4. Как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, публично-правовые нормы должны быть гармонизированы с диспозитивными

нормами гражданского законодательства (постановления от 14 июля 2003 года № 12-П, от 2 июня 2015 года № 12-П, от 1 июля 2015 года № 19-П и от 21 января 2025 года № 2-П). Это требование в полной мере относится и к ущербу, одновременно выступающему в качестве критерия криминализации деяния для целей уголовной ответственности (или критерия ее дифференциации) и в качестве критерия определения размера возмещения убытков для целей защиты и восстановления нарушенных гражданских прав в рамках диапазона установленной величины этого ущерба от минимального значения до максимального в зависимости от учета или неучета степени износа комплектующих транспортного средства.

Сама природа частных и публичных отраслей законодательства может обуславливать неодинаковый подход к определению названных критериев. Такая дифференциация вызвана тем, что меры уголовной ответственности, направленные не только на восстановление социальной справедливости, но и на исправление преступника, на общую и индивидуальную превенцию и основанные на принципе личной вины (статья 5 и часть вторая статьи 43 УК Российской Федерации), с функциональной точки зрения имеют карательный (штрафной) характер для нарушившего уголовный закон лица, которое в связи с этим в уголовно-правовых отношениях с государством наделяется гарантиями, включая презумпцию невиновности, требование правовой определенности и правила действия уголовного закона во времени. К тому же, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 ноября 2024 года № 53-П, в уголовном процессе применяется строгий стандарт доказывания.

Гражданская же ответственность, включая деликтную, в большей мере выполняет компенсационную функцию, обеспечивая, по общему правилу, полное удовлетворение имущественного и неимущественного интересов потерпевшего. Частноправовое регулирование возмещения имущественного вреда отражает присущую этой отрасли диспозитивность, гарантируя надлежащий баланс прав всех участников деликтных правоотношений, от волеизъявления, поведения и активности которых зависят как сроки

возмещения, так и его размер (притом что потерпевший может и полностью отказаться от восстановления даже значительно поврежденного имущества либо от взыскания своих убытков, причинитель же вреда или лицо, несущее за него гражданскую ответственность, вправе добровольно в денежной или натуральной форме возместить такой вред, а определение размера его возмещения допустимо и путем переговоров сторон).

Однако диспозитивный подход не может быть распространен на императивную по своей сути сферу уголовно-правового регулирования, поскольку, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделения их правом определять пределы возлагаемой на лицо уголовной ответственности и наказания, а юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевших, является средством публично-правового реагирования на преступное поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего преступление, должны определяться исходя прежде всего из публично-правовых интересов, а не из частных интересов потерпевшего (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 17 октября 2011 года № 22-П, от 31 января 2024 года № 4-П и др.).

Следовательно, для уголовно-правовых отношений значение имеет лишь бесспорно установленная – с достаточной степенью точности и в надлежащей процедуре – величина утраченного имущества или его повреждений, включая расходы на оплату восстановительного ремонта.

По смыслу положений Конституции Российской Федерации, согласно которым неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого и никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент совершения не признавалось правонарушением (статьи 49 и 54), а также исходя из принципов законности и вины (статьи 3 и 5 УК Российской Федерации) для целей установления степени общественной опасности (тяжести) содеянного, выраженной в квалифицирующем признаке состава преступления, предполагается толкование сомнений в пользу обвиняемого.

Это подразумевает необходимость использования минимальной доказанной стоимости угнанного транспортного средства или размера полученных им повреждений, измеряемых путем оценки стоимости восстановительного ремонта с учетом степени износа автомобиля и его комплектующих на день совершения криминального деяния. Причем стоимость утраченного или поврежденного имущества соотносится (может соотноситься) с его рыночной стоимостью, определяемой с учетом уменьшившейся – вследствие износа (амортизации) – его первоначальной стоимости либо с учетом ее возрастания вследствие инфляционных и иных факторов (например, ввиду раритетности, уникальности имущества).

Исходя из принципа равенства (статья 19 Конституции Российской Федерации и статья 4 УК Российской Федерации), а также требований справедливости и правовой определенности данный подход должен применяться независимо от фактического проведения восстановительного ремонта. Иное неосновательным образом обуславливало бы квалификацию содеянного виновным – через установление такой объективной категории, как размер имущественного ущерба, – не поведением виновного и не моментом совершения деяния, а уже последующими действиями потерпевшего и иными обстоятельствами: наличием желания и возможности (фактической и материальной) восстановить свой автомобиль, пока продолжается уголовное судопроизводство, выбором места и стоимостью ремонта автомобиля, наличием, качеством и производителем использованных для ремонта запасных частей, узлов и агрегатов и пр. Это означало бы привнесение в данный вопрос такой степени неопределенности, которая недопустима в сфере уголовной ответственности.

Кроме того, ограничительный подход к оценке причиненного преступлением ущерба как квалифицирующего признака предопределен и принципами гуманизма, соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности (принципом адекватности публично-правового реагирования на противоправное деяние) и равенства. Так, за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным

средством без цели хищения, квалифицируемое по части первой статьи 166 УК Российской Федерации, максимальное наказание составляет лишение свободы на срок до пяти лет. При этом альтернативно может быть назначено и более мягкое основное наказание: штраф, ограничение свободы, принудительные работы либо арест. Такое деяние категоризируется как преступление средней тяжести (часть третья статьи 15 данного Кодекса), что дает виновному возможность воспользоваться рядом правовых инструментов для смягчения уголовной ответственности, включая освобождение от нее в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, судебным штрафом, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (статьи 75, 76, 76² и 80¹ данного Кодекса) или снижение наказания в связи с постановлением приговора в особом порядке при согласии с предъявленным обвинением. Если же угон квалифицируется по части третьей статьи 166 УК Российской Федерации ввиду причинения особо крупного ущерба, то за него предусмотрено безальтернативное наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Такое преступление считается тяжким (часть четвертая статьи 15 данного Кодекса), что исключает использование названных правовых инструментов.

Сказанное не противоречит статье 52 Конституции Российской Федерации, поскольку не умаляет право потерпевшего на полное возмещение причиненного ему преступлением вреда как по гражданскому иску, заявленному в уголовном деле, так и по иску, предъявленному в порядке гражданского судопроизводства.

5. Для обеспечения конституционного права на охрану собственности, гарантированного статьями 8 (часть 2) и 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации, законодатель установил, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1 статьи 15 ГК Российской Федерации), тем самым закрепив в гражданском законодательстве принцип полного возмещения убытков (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от

13 декабря 2016 года № 28-П, от 5 марта 2019 года № 14-П, от 31 января 2025 года № 4-П и др.). Обязательства, возникающие из причинения вреда, регламентируются главой 59 ГК Российской Федерации, предусматривающей, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (пункт 1 статьи 1064).

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 декабря 2017 года № 39-П указал, что в правоотношениях между субъектами гражданского права снижение размера деликтной ответственности, по общему правилу, недопустимо, поскольку полное или частичное освобождение причинителя вреда от имущественной ответственности одновременно означало бы лишение потерпевшего возможности компенсации причиненного ему вреда и тем самым лишение его имущества, что было бы нарушением вытекающих из статьи 35 Конституции Российской Федерации гарантий.

Выявляя конституционно-правовой смысл в том числе статьи 15 и пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации применительно к возмещению собственнику транспортного средства вреда, в Постановлении от 10 марта 2017 года № 6-П Конституционный Суд Российской Федерации, отметив, что полное возмещение вреда предполагает восстановление поврежденного имущества до состояния, в котором оно находилось до нарушения права, подчеркнул, что на потерпевшего не может быть возложено бремя самостоятельного поиска деталей, узлов и агрегатов с той же степенью износа, что и у подлежащих замене, а значит, в таких случаях неосновательного обогащения собственника поврежденного имущества не происходит, даже если в результате использования новых элементов его стоимость выросла. Потому при исчислении размера расходов, необходимых для приведения имущества в состояние, в котором оно находилось до повреждения, должны приниматься во внимание реальные, т.е. необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя,

учитывающие условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе на новые комплектующие.

С этим согласуются и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения; размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте способ исправления повреждений подобного имущества (пункт 13 постановления от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). При этом действительная стоимость восстановительного ремонта транспортного средства в ходе разрешения спора о возмещении причинителем вреда ущерба по правилам главы 59 ГК Российской Федерации определяется по рыночным ценам в субъекте Российской Федерации с учетом утраты товарной стоимости и без учета износа автомобиля на момент разрешения спора (пункт 65 постановления от 8 ноября 2022 года № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»).

Следовательно, ограничительный подход к оценке причиненного преступлением ущерба как квалифицирующего признака не препятствует возмещению потерпевшему убытков в большем размере, включающем его расходы на приобретение новых запасных частей и комплектующих транспортного средства, сопутствующих расходов, а также упущенной выгоды, определяемых на день разрешения судом спора, что согласуется с требованиями статей 8 (часть 2) и 52 Конституции Российской Федерации, а также позволяет потерпевшему выбрать наиболее удобный способ такого

восстановления, будь то взыскание денежных средств для последующего ремонта или осуществление ремонта самостоятельно либо выбранными потерпевшим сторонними лицами с дальнейшим взысканием всего объема убытков.

Решение о таком возмещении может быть принято судом и при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле (часть первая статьи 44, пункт 10 части первой статьи 299 и пункт 1 части первой статьи 309 УПК Российской Федерации). В судебной практике допускается включение в предмет гражданского иска требования о возмещении имущественного вреда, причиненного непосредственно преступлением, но выходящего за рамки предъявленного подсудимому обвинения: такой вред (расходы потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья, расходы на погребение, когда последствием преступления стала смерть человека, расходы по ремонту поврежденного имущества при проникновении в жилище и др.) подлежит доказыванию истцом путем представления суду соответствующих документов (квитанций об оплате, кассовых и товарных чеков и т.д.) (пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»).

Данный подход реализует правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации о том, что законодатель вправе вводить различный порядок защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений – как в рамках уголовного судопроизводства (посредством гражданского иска в уголовном деле), так и путем искового производства по гражданскому делу. Конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным, а используемые правовые механизмы были направлены на максимально возможное возмещение причиненного ему вреда и обеспечивали ему эффективное восстановление в правах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 25 июня 2013 года № 14-П, от 29 мая 2025 года № 24-П и др.).

Таким образом, статья 15 и пункт 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, прежде всего во взаимосвязи со статьей 166 УК Российской Федерации, – они предполагают, что для уголовно-правовой квалификации действий виновного причиненный ущерб определяется в размере стоимости утраченного (уничтоженного) в результате угона транспортного средства или в размере полученных им повреждений, измеряемых посредством оценки стоимости восстановительного ремонта такого транспортного средства с учетом степени износа его комплектующих на день совершения криминального деяния. Это не препятствует полному возмещению убытков потерпевшему, включая определяемые на день вынесения судебного решения расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты), в рамках гражданско-правовых отношений, в том числе посредством гражданского иска, предъявленного в уголовном деле.

6. Поскольку права Р.А.Клименко, нарушенные отказом в принятии (нерассмотрением) его гражданского иска в уголовном деле, не могут быть восстановлены путем пересмотра уголовного дела ввиду того, что его исковые требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 10¹ части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает нужным указать, что дело Р.А.Клименко пересмотру не подлежит. Поскольку же право Р.А.Клименко на полное возмещение причиненных ему убытков может быть реализовано им в том числе на основе выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций, постольку Конституционный Суд Российской Федерации не находит оснований для применения к заявителю компенсаторных механизмов.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

П О С Т А Н О В И Л :

1. Признать статью 15 и пункт 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – они предполагают, что для уголовно-правовой квалификации действий виновного причиненный ущерб определяется в размере стоимости утраченного (уничтоженного) в результате угона транспортного средства или в размере полученных им повреждений, измеряемых посредством оценки стоимости восстановительного ремонта такого транспортного средства с учетом степени износа его комплектующих на день совершения криминального деяния. Это не препятствует полному возмещению убытков потерпевшему, включая определяемые на день вынесения судебного решения расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты), в рамках гражданско-правовых отношений, в том числе посредством гражданского иска, предъявленного в уголовном деле.

2. Конституционно-правовой смысл статьи 15 и пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части проверки конституционности части первой статьи 54 и части третьей статьи 162 УПК Российской Федерации, статьи 1068 ГК Российской Федерации, а также статьи 16 Трудового кодекса Российской Федерации.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 8-П

Конституционный Суд
Российской Федерации